
МУРЗИЛКА
N-3
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
МАРТ 1954

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ВСЕ НА ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР!

Иосиф Виссарионович Сталин.
(1879 — 1953)

Приметы весны

Н. АГЕЕВ

Упала капля первая,
Весны примета верная.
За ней другая норовит
И, поскользнувшись,
Вслед летит.
Дымок белёсый у завалин
Заметен стал по тёплым дням.
И зеркала живых проталин
Огнём мерцают по краям.
Дорога санная осела,
Водой взялась и почернела.
И по воскресным вечерам
Скворешни строит детвора.
Всё это общие приметы,
А у народа есть одна —
Из МТС
В колхоз с рассветом
Шагала,
Грохоча, весна.

СКАЗКА ПРО СНЕЖНЫХ БАБ

Ник. БОГДАНОВ *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Лишь только выпадал первый снег, вся детвора маленькой деревушки Пеньки, приютившейся на склоне холма, среди приволжских степей, принималась лепить снежных баб.

Мальчики и девочки с весёлым смехом скатывали из мягкого, рыхлого снега большие шары, выше себя ростом, и общими усилиями подкатывали их к школе, возвышавшейся над деревней.

Катить снежные шары в гору было трудно и весело. Навстречу детворе выбегала учительница Людмила Моревна и, распахивая ворота в школьный сад, кричала звонким голосом:

— Добро пожаловать, дорогие гости!

А школьная сторожиха, бабушка Дарья, уже тащила старые мётлы, ведёрко с углями и корзинку с морковью.

И поскольку обе руки её были заняты, огромную пустую тыкву, из которой были вынуты все семечки, несла она, водрузив на голову.

Девочки и мальчики расхватывали мётлы, морковь, шумно боролись из-за тыквы.

Людмила Моревна забирала её себе:

— Отдам её только тому, чья баба будет больше всех, толще всех, выше всех!

И начиналось замечательное соревнование.

Ребята подкатывали снежные шары прямо к яблоням и вишням. Шар на шар

и ещё шар. Прямо к стволу, чтобы лучше держались. И получалась громадная фигура, у которой сучья яблони или вишни торчали на голове, словно волосы, вставшие дыбом.

А какие у снежных баб были страшные и смешные рожи! Представьте себе круглые головы, белоснежные щёки и длинные красные носы из моркови. А глаза — чёрные угли. Страшней всех была главная баба, что толще всех, больше всех, выше всех. У неё голова из жёлтой тыквы. И когда ночью в тыквенную голову вставлялся карманный электрический фонарик, то дырки, прорезанные вместо глаз, зловеще сверкали.

Это было так страшно, что зайчишки по ночам обегали сад стороной, принимая огоньки за волчьи глаза, а уж как им хотелось полакомиться сладкой корой молодых яблонь! Да что там зайчата, даже морозы и метели не трогали яблонь. Когда вокруг в суровые зимы погибало немало садов, школьный сад не вымерзал.

— Хорошо сторожат наш сад снежные бабы! — радовалась Людмила Моревна. И на большой перемене, после школьного завтрака раздавала кисель и компот, сваренный из сушёных яблок и вишен, а по праздникам — свежие яблоки с красными боками.

Они были такие вкусные, что девочки и мальчики съедали в школе только половинку яблока, а вторую несли домой угостить меньших братишек и сестрёнок; а у кого их не было, угощали дедушек и бабушек.

Малые ели и причмокивали, а старые кушали и приговаривали:

— Не было у нас прежде такого добра, не росли сады на наших буграх! Зимой — вымерзали. Летом — засыхали.

И вот однажды случилось так, что Людмила Моревна, много лет учившая ребят, захотела знать ещё больше и сама поехала учиться в столицу.

Прощаясь с ребятами, собрала она вокруг себя самых старших пионеров и, поручив им бороться за хорошие отметки, беречь в школе дисциплину, сказала:

— А ещё, ребята, обещайте беречь наш сад: чтобы он не ослаб, не погиб, ставьте больше снежных баб!

Пообещали ребята.

Но когда Людмила Моревна уехала, один мальчик, самый старший пионер, который считал себя умней всех, надул губы и важно сказал:

— Подумаешь — снежные бабы! Вот выдумала учительница сказку. Мы не маленькие. Довольно пустяками заниматься!

И когда выпал обильный влажный снег, самый хороший для лепки всяких фигур, он поленился катать в гору тяжёлые

шары. Вместе с другими мальчиками построил под горой снежную крепость, затеял игру в снежки.

Девочкам не захотелось отстать от мальчиков. Чтобы никто не называл их трусихами, они храбро кидались снежками и не плакали, когда разбивали друг другу носы.

Было очень весело. Никто не пожалел, что в школьном саду не появилось ни одной снежной бабы.

Сторожиха, бабушка Дарья, вышла было на шум с мётлами, вёдрами, с корзинкой, полной моркови, с большой жёлтой тыквой на голове, но, прождав напрасно целый час, обиделась и ушла вязать варежки своим внучатам.

Пусто в эту зиму было в школьном саду. Ни одна снежная баба не стояла ни под вишней, ни под яблоней с метлой в руках, отпугивая всех недругов. Метели играли в саду, вылизывая снег у корней деревьев до самой земли. А морозы с треском раздирали стволы.

Хитрые зайчишки, которые прежде принимали сверкающие огнями щёлки тыквенной головы главной великанши за волчьи глаза, теперь, не опасаясь даже ружья, висевшего у нового учителя над кроватью на стене, прибегали по ночам в школьный сад и обгладывали сладкую кору молодых яблонь.

И вот весной, когда пригрело солнышко, стаял снег и все деревья начали украшаться листвой, многие яблони и вишни не дали ни листвы, ни побегов...

А те, что уцелели, расцвели почему-то раньше, чем всегда, и в самом цвету застали их утренние заморозки, которые часто были здесь по весне.

Все розовые и белые чашечки цветов вначале покрылись росой, затем обледенели, чудесно засверкали на солнце и зазвенели, словно хрустальные. А потом вдруг осыпались на землю, хрупкие, как стекло...

И ни одного яблочка не завязалось на голых сучьях.

Вернувшись летом в деревню, Людмила Моревна увидела несчастный пустой сад и даже всплакнула:

— Снежные бабы, глупые тётки, что же вы не уберегли наш сад?!

Сконфуженные мальчики и девочки признались:

— Они не виноваты... Это мы не поставили снежных баб!

Рассердилась Людмила Моревна:

— Кто же это нарушил мой завет? Кто оставил наши вишни и яблони наедине с морозами и ветрами?

И признался тут самый старший пионер, который считал себя умней всех:

— Я думал, что это только пустая сказка!

— Вот теперь и будет у тебя пустая чашка! — сказала Людмила Моревна.

И верно, неоткуда было взять в эту зиму ни сушёных яблок для компотов и киселей, ни сладких яблок для всех детей.

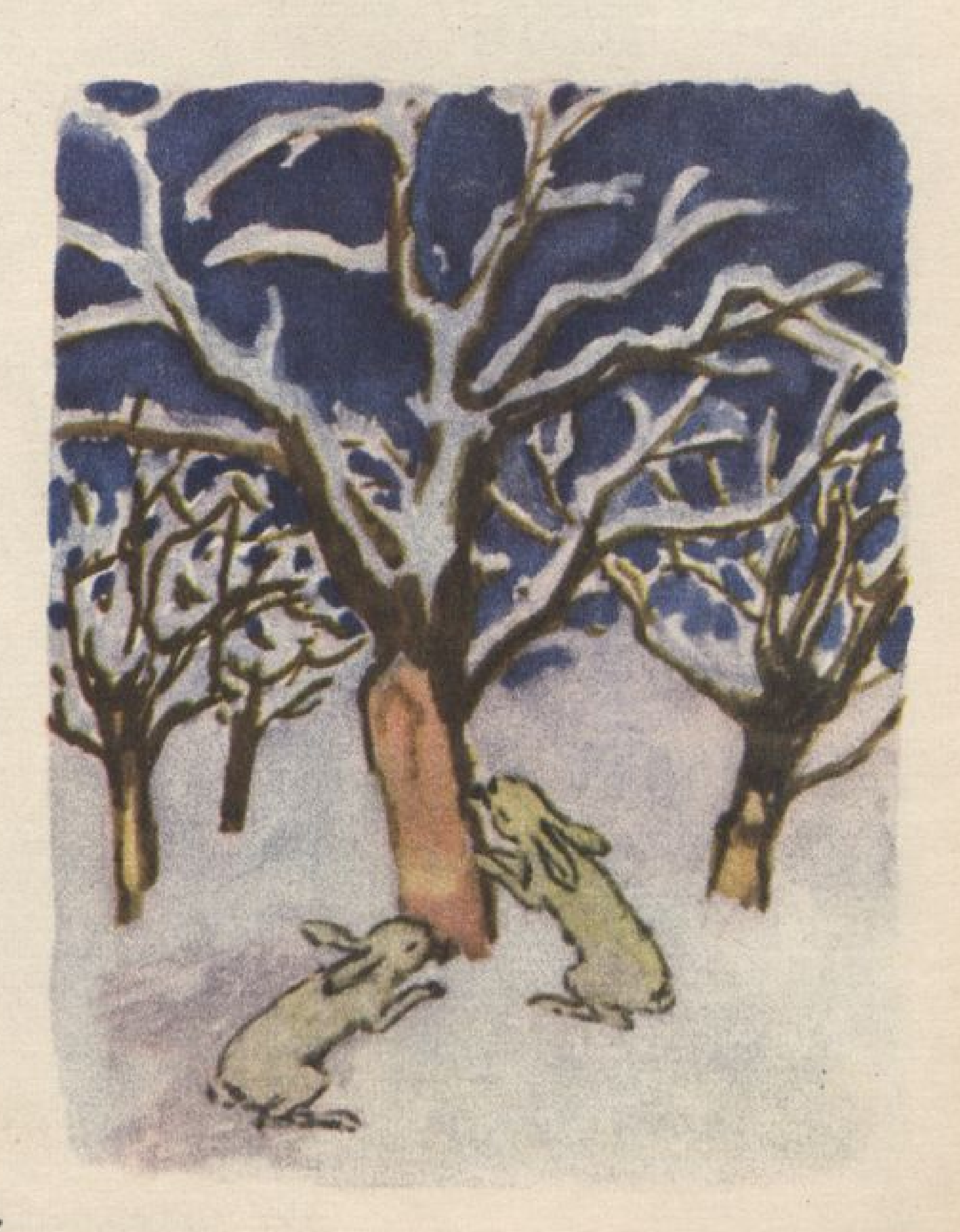

Рис. В. БЕЛЫШЕВА и Ф. ЛЕМКУЛЯ

На колхозном птичьем дворе.

Зигурд-лентяй

АННА САКСЕ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Мама разбудила Зигурда поздно. Он встал не в духе. Сегодня контрольная по арифметике, а он ещё даже таблицы умножения не выучил. И всё из-за Роберта. Не дай ему вчера Роберт велосипеда, Зигурд не катался бы весь вечер и вызубрил бы эту ненавистную таблицу.

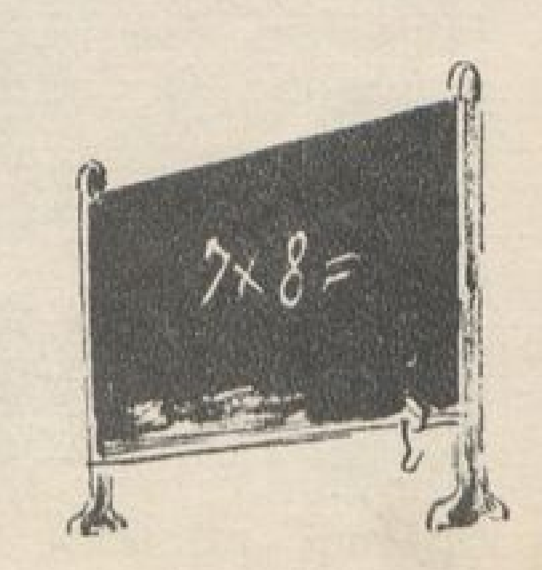
«А не сделать ли шпаргалку, — подумал Зигурд, — начиная хотя бы со строчки семью восемь? Почему-то именно это место хуже всего держится в голове!»

Зигурд бросил взгляд на часы. Нет, тут не до шпаргалки — кровать не успеешь постелить. Он с досадой скомкал одеяло. Мама слишком поздно его разбудила, пусть теперь сама убирает!

Он наскоро поел, схватил сумку и выбежал на улицу. В глаза ударило солнце. Весело чирикали взъерошенные воробьи. Весело ворковали сытые, гладкие голуби.

Всем весело. Одному Зигурду почему-то надо брести в школу, томиться там пять часов на твёрдой деревянной парте и слушать учительницу, которая так и норовит задать тебе каверзный вопрос.

А не пропустить ли школу? Другие пропускают по болезни целыми неделями, и то ничего! Нельзя ли ему тоже заболеть на денёк?

Зигурд медленно, с чувством, проглотил слюну. Горло не болит. Он подвигал руками

и ногами, прислушался к самому себе. Беда, нигде ничего не болит! Хоть бы синяк вскочил!

Зигурд нарочно споткнулся и упал. Но никакого ушиба не получилось!

«Как быть! Как избавиться от контрольной? А что, если вместо школы поехать в Музей народного быта? Учительница обещала туда на-днях повести весь класс. А Зигурд поедет сегодня, раньше всех, и потом сможет ребятам всё объяснить. Так что даже польза будет!»

Сказано — сделано! Зигурд подбежал к остановке, сел в трамвай и минут через двадцать уже приближался к воротам с вывеской:

«МУЗЕЙ НАРОДНОГО БЫТА ЛАТВИИ»

Привратник посмотрел на сумку Зигурда, прищурился и сказал:

— Ты что, сынок, никак из школы сбежал?

Зигурд покраснел:

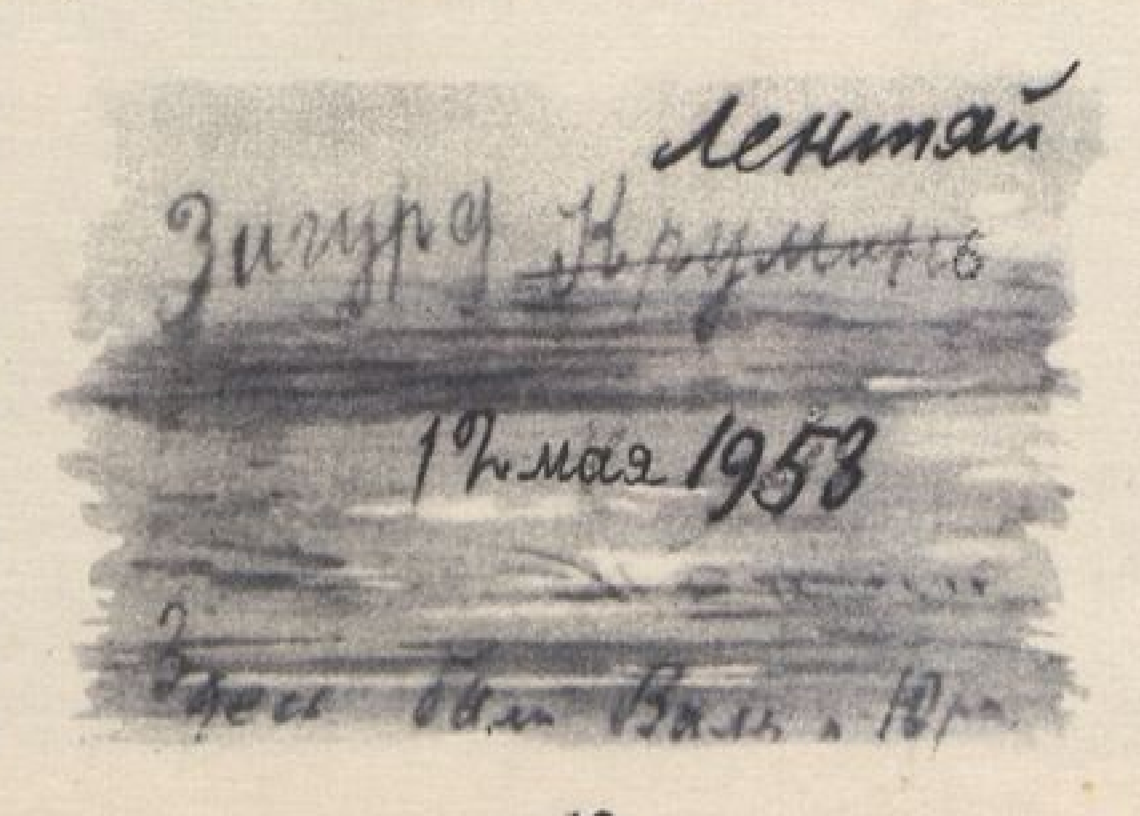
— Н-нет... я... ну... во второй смене...

Он прошмыгнул за ворота и зашагал по дорожке мимо старых-престарых домов. В таких домах жили латыши много лет назад. Толстые стены, маленькие окна, ветхие крыши.

А вот покосившаяся старинная мельница с огромными деревянными крыльями.

Зигурд осмотрел её снаружи, потом поднялся по стёртым дубовым ступенькам внутрь. Потемневшие от времени балки и подпоры были покрыты не то мукой, не то пылью. Перекладины над головой были испещрены чьими-то именами, фамилиями, числами. Не один посетитель расписался на этих брёвнах и досках. Зигурду тоже захотелось расписаться.

Он достал из сумки химический карандаш, поплевал на него, забрался повыше и вывел на толстом бревне крупными буквами: «Зигурд Круминь. 12 мая».

Здорово получилось! Зигурд долго любовался на свою подпись. Потом он вышел из мельницы и побежал по аллее к старинной церковке. Вдруг он услышал звонкие ребячьи голоса. Ребята шумели, точно в школе на переменке. Постойте! Кто это? Он затаил дыхание. Так и есть! Он узнал знакомые голоса Свикуса, Петера, Яна... чуть ли не всех учеников своего класса. Значит, учительница отменила контрольную и повела весь класс сюда, в музей!

Вот так так! Сейчас ребята пристанут к нему, начнут расспрашивать, стыдить, высмеивать...

Надо быстрее спрятаться, пока его не заметили! Он украдкой пробрался в лес подальше от весёлой компании. Какое счастье, что учительница его не заметила! Вот уж было бы разговоров! Она сказала бы директору, потом вызвали бы в школу отца или мать. А по поведению определённо снизили бы отметку.

«Куда теперь податься? — думал Зигурд. — Домой нельзя: мать начнёт расспрашивать, где я был, почему не в школе. А всё учительница! Сказала, что сегодня будет классная работа, а сама повела ребят на экскурсию! Вот и надейся на них! — сердился Зигурд. — Ясно, теперь классная работа будет завтра».

Зигурд спрятался за толстым дубом. Ребята бродили по дорожкам где-то совсем неподалёку. Уйти сейчас нельзя. Зигурд уселся на траву и стал ждать. Время тянулось медленно. Он порылся в сумке, вытащил тетрадь с таблицей умножения на обложке и от нечего делать принялся зубрить.

— Шестью восемь — сорок восемь. Как медленно тянется время!.. Шестью девять — пятьдесят четыре... Почему они так долго не уходят? Шестью десять —

шестьдесят... Кажется, солнце остановилось. Семью восемь... — проклятое семью восемь!.. — пятьдесят шесть...

Зигурд долго учил таблицу и, кажется, одолел её. Наконец стало тихо. Зигурд осторожно высунул голову из-за дуба. Никого нет! Учительница, значит, повела весь класс домой.

Зигурд осторожно, крадучись, стал пробираться по дорожке. Вот и мельница. Вдруг он вспомнил про свою подпись. А что, если ребята увидели её? Они тогда поймут, что Зигурд вовсе не болен, а просто-напросто прогулял. Эх, дурак он, дурак! Очень надо было ему расписываться!

Впрочем, он ведь не указал года! Он скажет, что был в музее в прошлом году, вот и всё!

А может, они вовсе и не заметили его подписи. Надо проверить: не слишком ли она выделяется?

Зигурд снова поднялся по дубовым ступенькам и снова очутился внутри мельницы. Задрав голову, он посмотрел вверх. Вот его подпись: «Зигурд Кру...» Нет, вовсе не Круминь... Слово «Круминь» кто-то перечеркнул и вывел вместо него жирно... «лентяй». А к слову «мая» прибавил год, и получилось: «Зигурд-лентяй. 12 мая 1953 года».

Подумать только! Догадались всё-таки. Теперь в школе и не показывайся! Теперь его задразнят.

«Зигурд-лентяй». Проходу не дадут. Это прозвище надолго прилипнет. Ребята досыта посмеются над ним!

Самое неприятное то, что завтра в школе надо предъявить записку о болезни.

Врач, осмотрев горло, сердито отбросил тонкую деревянную лопаточку, вроде тех, какие дают к мороженому, и сказал:

— Паренёк, ты что прикидываешься? Горло у тебя здоровое.

— У меня болело... утром... — покраснев, оправдывался Зигурд.

— А теперь не болит больше? — спросил врач.

— Нет... то-есть немного... почти что не болит, — глотая слюну, признался мальчик.

— Ни капельки не болит, — сказал врач и, присев к столу, написал что-то на бумажке и передал её Зигурду. За дверями он прочитал: «12/V 1953 г. ко мне явился ученик 4-го класса 10-й школы Зигурд Круминь и жаловался на боль в горле. Признаки болезни не установлены».

Зигурд смял записку, но потом одумался и стал её разглаживать. В конце концов он же не виноват, если врач не может установить признаков болезни. Что же делать, раз горло болит утром, а врач принимает только после обеда?

Зигурд с тяжёлой душой втиснулся в переполненный трамвай и поехал домой. Вот тебе и отдохнул! Вот тебе и погулял! Пожалуй, уж лучше бы сорок пять минут просидеть в классе над контрольной.

Дома папа спросил:

— Как дела в школе, сынок?

Зигурд опустил голову:

— Ничего... дела... хорошо...

— Контрольную писали?

— Нет, папа, мы, знаешь, папа, были сегодня в Музее народного быта... Потому что очень хорошая погода, и учительница решила...

— Всем классом были? — перебил папа.

— Ага.

— Почему же ты вернулся один?

— Один? — растерялся Зигурд. — Почему один?

— А я тебя видел в трамвае, — сказал папа, — только ты меня не заметил.

Зигурд опешил:

— А я... а я... я не успел сесть со всеми... Вот я и поехал отдельно, — стал он лепетать.

Папа положил ложку.

— Признайся, Зигурд, сколько раз ты сегодня говорил неправду?

Зигурд молчал.

— Возможно, что ты был в музее, — продолжал отец, — только не с классом. Ведь мне звонила твоя учительница. Она спрашивала: что с тобой, не заболел ли ты? Почему тебя не было? Значит, ты сегодня решил прогулять? Избавиться от классной работы?

— Нет, папа, ну просто сегодня уж очень замечательный день, — тихо сказал Зигурд, — и мне захотелось немножко отдохнуть...

— Отдохнуть? — переспросил папа. — А как называют солдата, который самовольно покинул строй, потому что ему захотелось отдохнуть, ты знаешь? Дезертир! Вот как его называют! А как называют рабочего, который без всякой причины не вышел на работу? Прогульщик! А как называют ученика, который пропускает уроки просто так, без всякой причины?

Зигурд тяжело вздохнул и ничего не ответил.

— Лентяем его величают, лентяем, вот как! — закончил папа.

Он помолчал и спросил:

— Как, по-твоему, хорошо ли ты провёл сегодняшний замечательный день?

Зигурд низко опустил голову и отозвался:

— Нет, папа, нехорошо.

Свободный перевод с латышского

МУЗЫКАЛЬНАЯ СТРАНИЦА

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Когда на праздник урожайный
Всех Белоруссия зовёт,
Когда молчат в полях комбайны,
Убрав хлеба на целый год,
Любовно, бережно хранится
Один обычай старый тут:
Колосья жнут серпами жницы,
Последний сноп из них кладут.
Вокруг снопов гуляют сёла,
В честь урожая праздник дан,
Играет им оркестр весёлый —
Цимбалы, скрипки и баян!
Весь праздник в солнечной улыбке,
Осенний воздух свеж и чист,
Поют, звенят цимбалы, скрипки,
Гудит басами баянист.
В «Лявонихе», в народной пляске —
И старики и молодёжь.
Зерно — горою, словно в сказке,
И это всё — пшеница, рожь!

СТИХИ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ

Д. ДЯТЕЛОВСКАЯ *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

МАЛЯР

Я, маляр, шагаю к вам
С кистью и ведром.
Свежей краской буду сам
Красить новый дом.

Крашу стены, крашу дверь,
Пляшет кисть моя...
Даже нос мой стал теперь,
Белым стал, друзья.

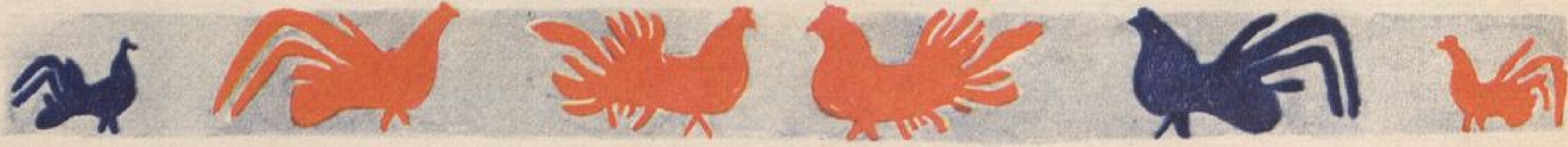

Г. РОСТВОРОВСКИЙ

КРАКОВЯК

— Ну-ка, собирайтесь
В комнате просторной,
Мы сейчас станцуем с вами
Краковяк задорный.

Пойте и танцуйте
Весело, беспечно.
Раз — налево,
Раз — направо,
И кругом, конечно.

Раз — налево,
Раз — направо,
И кругом, конечно.

Очень все мы любим
Краковяк весёлый.
К нам из Кракова в Варшаву
Сам пешком пришёл он.

Весело танцуйте,
Звонко подпевайте!
Этот танец,
Эту песню
Вы не забывайте!
Этот танец,
Эту песню
Вы не забывайте!

З. ДИКТОР-ДОМБРОВСКАЯ

ДЕЖУРНЫЙ

Сегодня Ясь дежурный,
У Яся вечно заботы.
Хлопочет Ясик повсюду,
Очень он любит работу.

А тот, кто дружит с ленью,
В саду дежурить не может,
Хотя значок он наденет,
Значок ему не поможет!

Е. ШЕЛЬБУРГ-ЗАРЕМБА

КУПАНЬЕ

Искупался на ночь Марик,
Искупалась Ганка.
Искупать пора настала
Маленького Янка.

Стелим на перинки
Свежие простынки.
Чисто вымылись ребята
И легли на спинки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АИСТОВ

Аисты вернулись,
Аисты вернулись!
В ужасе лягушки
Ряской затянулись.

Радуются дети,
Радуются дети,
Что пригрело солнце,
Что весна на свете.

Перевели Н. НАЙДЁНОВА
и Ел. БЛАГИНИНА

Храбрый цыплёнок

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Вот как всё это началось.

Мы купили в зоологическом магазине маленького жёлтого цыплёнка, пушистого и лёгкого, точно игрушечного, закутали его в вату, принесли домой и назвали Цыпом.

Цып был совсем маленький и слабый и сначала пищал тоненьким голоском и клевал мягкую кашу. Но как только дома он вылез из своего ватного одеяльца и очутился на полу, он сразу расправил крылья, пискнул и отправился из передней в комнаты.

А у нас в квартире жила большая охотничья собака Зента. Она сразу учуяла, что в доме появилась непонятная птица. Зента, конечно, понимала, что это не тетерев и не куропатка, но уже много лет она исправно несла свою охотничью службу, всю свою жизнь охотилась за всякими птицами и спокойно вытерпеть птичий запах не могла.

Медленно она потянулась в столовую и остановилась над бедным Цыпом. Совсем вплотную к цыплёнку придвинулась её умная и, наверно, страшная морда. Неподвижно, как каменная, стояла Зента. Это была стойка. Умные собаки на охоте так всегда останавливаются поблизости от птицы и показывают на неё хозяину: смотри, мол, вот она, дичь!

Мы спокойно ждали, что будет. Зента ещё никогда сама не сходила со стойки, птиц не кусала и не трогала.

Цып пискнул и поднял вверх свой розовый клювик. Тут все увидели, что у Зенты к носу прилипла крупинка гречневой каши. Она как раз обедала, когда в квартире появился Цып.

Цып тоже увидел крупинку. Он разбежался, подпрыгнул и клюнул Зенту в нос. Крупинка исчезла.

Никогда ещё Зента не видела такой маленькой храброй птицы. Нет, она не испугалась, но удивилась и растерялась. Опустив вниз поднятую было, как полагается на стойке, правую переднюю лапу, Зента оглянулась на нас и тихо вышла из комнаты.

Ну, а мы на другой день опять пошли в зоологический магазин и купили там ещё десять пушистых жёлтых цыплят, похожих на Цыпа, как родные братья и сёстры. А может быть, они и на самом деле были Цыпу родны-

ми братьями и сёстрами, мы этого точно не знали.

Нам очень понравился Цып, и мы думали сделать ему приятное. Пусть живёт в доме не один, а со своими родными и товарищами — цыплятами.

У большой корзинки мы отломали ручку, обтянули корзинку сверху пёстрым ситцем и посадили туда, всех вместе, одиннадцать цыплят. Цыпу, чтоб не перепутать его с остальными, мы перевязали правую лапку тонкой шерстинкой. Мы сказали цыплятам, чтоб они не смели вылезать из корзинки. Мы живём в большом доме на берегу Москвы-реки, на шестом этаже, и с весны у нас всегда настежь открываются окна. Глупые цыплята вполне могли выскочить в окошко и упасть вниз на камни или, может быть, в реку, утонуть или разбиться.

Ну, и цыплята сидели в корзинке смирно. Когда в комнате бывало очень тихо, можно было услышать, как они стучат носиками по дну корзинки — подбирают крупу и крошки. Целых два дня они так сидели в корзинке и стучали. А потом, на третий день утром, слышим — они перестали стучать, смотрим — один цыплёнок вылез из корзинки. Мы и оглянуться не успели, как он уже забрался в Зентину миску с водой и выкупался. У этого озорного цыплёнка, конечно, была зелёная шерстинка на лапке. Мы сразу поймали Цыпа, высушили и сунули обратно в корзинку. А он через полчаса снова вылез, и мы его поймали уже на обеденном столе. В этот день Цып три раза вылезал из корзинки.

А ещё через день он выскочил, и мы его не успели поймать. Он уже научился хорошо бегать и прыгать и легко взобрался на низкий подоконник большого открытого окна. Он там совсем недолго сидел и смотрел и, наверно, очень удивлялся. У нас из окон видно пол-Москвы, и весь Кремль, и три высотных здания. У него голова закружилась, у Цыпа. И он прыгнул вниз с шестого этажа и... пропал...

Я сказал соседской девчонке Наташе, чтобы она пошла на улицу, подобрала и похоронила храброго, глупого и неосторожного цыплёнка, который, конечно, разбился насмерть, прыгая с такой высоты. А сам стал смотреть далеко-далеко, на Москву. И на душе у меня было почему-то нехорошо. И цыплята, десять цыплят, стучали в своей корзинке носами как-то невесело. И даже Зента подошла и тронула меня лапой: вижу ли я, что у нас пропал Цып?

Наташа вернулась через пятнадцать минут и сказала, что Цыпа нигде на улице нет ни живого, ни мёртвого. Никто не видел, чтобы сверху, с шестого этажа, падал на улицу цыплёнок. Мостовую у нас под

окнами только что подметали дворники, и они тоже Цыпа не нашли. Что за чудеса! Я уже хотел сам бежать на улицу искать Цыпа. Но как раз в эту минуту прибежал со двора Колька Кожевников, тот самый, который однажды на спор снизу докинул камень до шестого этажа и разбил у нас стекло. Этот Колька был с нами в ссоре и нипочём бы не прибежал к нам просто так. Он уже слышал рассказы о том, как Цып дрался с Зентой и победил,

хотя и маленький, большую собаку. Колька понимал, что такой цыплёнок дорого стоит. Сразу было видно: Колька явился искупать свои старые грехи. Ещё от порога он закричал на всю комнату:

— Я всё знаю! А про кого — не скажу! Наташка, не лезь!

И тут же, захлёбываясь, всё рассказал: Цып вовсе не разбился. На пятом этаже вокруг дома у нас идёт общий длинный-длинный балкон, на который выходят двери квартир. Цып, выпрыгнув из нашего окна, спланировал на этот балкон совершенно благополучно, как самый настоящий парашютист.

— Я всё видел один! — азартно кричал Колька. — Он, этот Цып, долго летел и летел. Чему там в нём падать? Один пух. Такого цыплёнка с ладони одними губами сдуть можно. Он и сейчас там ходит, на балконе.

Все мы, я и Наташа, и Колька, и Наташина мама, побежали на пятый этаж. Мы отлично знали, что там, на пятом этаже, в генеральской квартире живёт зловредный и только с виду ласковый кот Кисин-Мисин, и торопились избавить Цыпа от новой опасности. Кисин-Мисин уже однажды съел воробья, и все это помнили.

Мы выбежали на балкон и посмотрели по сторонам. На балконе никого не было. Ни Цыпа, ни Кисина-Мисина. Только солнце светило с неба по-весеннему, жарко-жарко, и потому двери всех квартир, выходящие на балкон, были широко раскрыты. Немножко пониже высотного здания, что стоит на Смоленской площади, летел над городом самолёт.

Как раз под нами, под нашей квартирой, на пятом этаже, живёт лётчик Никитин, и мы о нём сразу вспомнили, когда увидели в небе самолёт. Вероятно, где-нибудь около никитинской двери приземлился Цып. Осторожно и вежливо мы постучали в открытую стеклянную дверь к лётчику.

— Входите, кто пришёл, — сказал из комнаты Никитин, и мы все гуськом вошли к нему в квартиру. — Чем могу служить? — и он встал нам навстречу.

— Скажите, пожалуйста, — тихонько спросила смелая Наташа, — не заходил ли к вам... знаете ли, наш цыплёнок, жёлтенький...

— Заходил, заходил, — радостно откликнулся Никитин. — Очень нахальный цыплёнок. На столе попил чаю из блюдечка, блюдце столкнул на пол, спасибо даже не сказал и отправился по своим делам дальше. Он теперь, наверно, у соседа-полковника бьёт посуду. Твой это, что ли, цыплёнок? — спросил Никитин у Кольки, и Колька тотчас же от Цыпа отрёкся. Он, Колька, тут ни при чём. Он уже привык всегда и во всём оправдываться. Никитин только головой покачал.

Ну, и пошли мы опять вчетвером: я, Наташа, Колька и Наташина мама — разыскивать Цыпа по всему пятому этажу. Но только и в квартире полковника мы его не застали.

— Только что вышел, — сурово сказал в ответ на наши вопросы полковничий сын Василий. — Я ему сказал, вашему Цыпу, чтоб он оставался, а он не послушался. Его теперь Кисин-Мисин наверняка слопает, — ищите-свищите!

— Вот ведь какие бывают вредные мальчишки! — сказала Наташа, когда мы опять очутились на балконе.

— Сама хороша, — буркнул сзади Колька, но Наташа сделала вид, что таких оскорбительных слов не расслышала.

Прыткий был цыплёнок, этот самый Цып. Никак мы за ним не могли угнаться. В квартире у агронома Ивашкина он до нашего прихода успел склевать необыкновенные семена овса и проса. У Дарьи Тихоновны Сидоровой он тоже побывал до нас и убежал, и маленькая дочка Дарьи Тихоновны сидела на ковре на полу и во весь голос ревела:

— Цыплёнка хочу... Ушёл... Цыплёнка дай! Курочку...

Так она, стало быть, уже нашего Цыпа полюбила.

В генеральскую квартиру мы пришли очень усталые и несчастные. Он мог и отсюда уйти, Цып! Где его потом искать, если генеральская квартира на пятом этаже самая последняя?

Но Цып из генеральской квартиры не успел уйти. Никто и не видел, как он сюда вошёл. Самого генерала дома не было. Жена его на кухне пекла пироги, а два сына ещё не приходили из школы.

Мы, когда заглянули в комнату с балкона, всё сразу поняли. В этой квартире Цыпа, как дорогого гостя, встречал один Кисин-Мисин.

Цып посредине комнаты ходил по ковру и рассматривал на стене разное трофейное вооружение, а Кисин-Мисин валялся по полу, мурчал, урчал и показывал, что добрее кота другого зверя на свете нет. Цып ещё не знал всего зловредного кисиного-мисиного характера и ходил по комнате спокойно. А уж у кота в глазах прыгали этакие кровожадные чортики, и видно было, как он выпускает свои острые когти. Ещё минута — и он схватил бы бедного храброго Цыпа, только бы его и видели, если бы не Наташа.

Она завизжала на весь балкон так, что даже Колька испугался. Кисин-Мисин прыгнул со страху под диван. Цып сунулся к выходу, но был тут же мной пойман и посажен в карман.

Только дома я его выпустил на свободу. На других цыплят он после такого своего путешествия и смотреть не хотел. Что они видели, что они знали?

Вскоре мы отправили Цыпа с товарищами на дачу. Он там совсем вырос и стал большим и важным петухом.

Кисин-Мисин со своим хозяином жил на даче по соседству, и однажды кот залез к нам в сад за воробьями.

Цып его так два раза уклюнул в загривок, что Кисин-Мисин не знал, как и ноги унести.

Воробьи очень потом благодарили большого храброго Цыпа.

театр на столе

В. АНДРИЕВИЧ *Рис. автора*

Такой театр легко сделать самим.

Здесь нарисованы фигурки и декорации к сказке «Теремок». Верхний рисунок — это сцена и декорация. Нижняя часть рисунка до домика — это ширма. Она будет загораживать ваши руки, когда вы будете двигать фигурки. Весь рисунок нужно перерисовать на картон по клеткам и увеличить в два раза. Перерисовывать нужно отдельно ширму (нижняя часть рисунка до домика) и отдельно верх (декорация). Рисунок ширмы удлините на 8 сантиметров в каждую сторону. А к рисунку декорации, от боковых деревьев, прибавьте полоски вниз по 8 сантиметров. Готовую декорацию склейте с ширмой так, как это показано на верхнем рисунке справа. Дверцу в теремок и белые места в окнах нужно вырезать совсем и дверцу пришить нитками к боку дверной рамы. Она тогда будет легко открываться.

Фигурки надо скопировать на толстую бумагу, вырезать и раскрасить с двух сто-

рон. К низу каждой фигурки надо пририсовать квадратики, как это показано на рисунке ёжика. Подставочку делают из катушки. В половинки катушки вставляют палочку, верхний конец палочки расщепляют и вклеивают в него квадратик фигурки.

Декорации и «артисты» у вас готовы. Теперь начнём представление.

Возьмите книжку со сказкой С. Маршака «Теремок». Сказка начинается со слов рассказчика. Эти слова вы произносите своим обычным голосом:

В чистом поле теремок, теремок.

И так далее, как в книжке.

Потом вы выводите лягушку-квакушку. Её слова произносите немного другим, как бы «квакающим» голосом:

Кто, кто в теремочке живёт?

И так далее.

Лягушку вы заводите в теремок и выводите мышку-норушку. Тут вам придётся говорить тоненьким голоском:

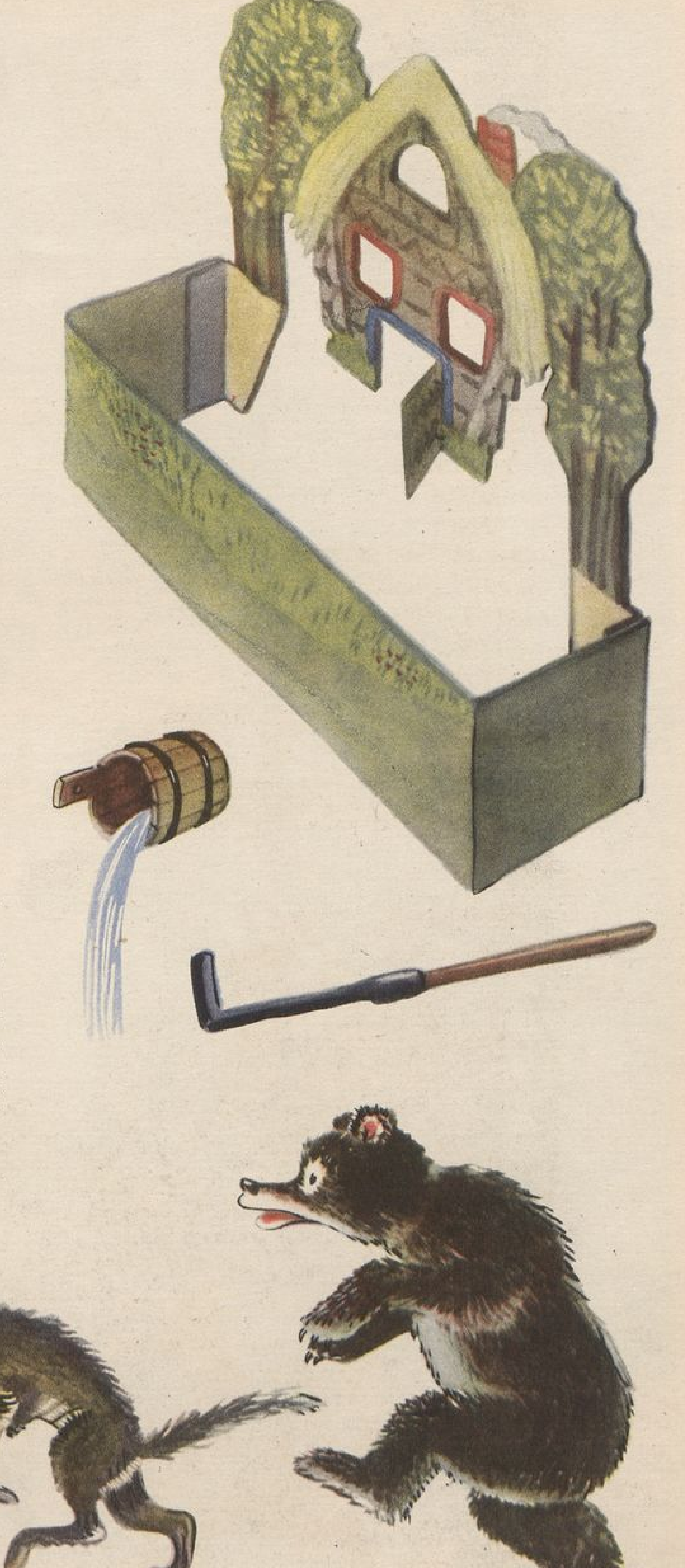
Это что за теремок, теремок?

Так, стараясь говорить разными голосами, вы представите всю сказку. Можно взять себе помощника.

По ходу представления жители теремка прогоняют зверей водой из бадьи и кочергой.

Хитрая лиса стащила петуха. Как это показать? Очень просто. Пускай лиса войдёт в теремок, а выйдет оттуда другая лиса, с петухом в зубах. А зрители будут думать, что это все та же лиса. Если под рукой нет книжки, можно придумать свои слова.

Итак, приглашайте зрителей и начинайте представление на столе.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

АЛТАЙСКАЯ СКАЗКА

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

Теперь летучая мышь только ночами летает. А было время — она летала и днём.

Летит она как-то, а навстречу ястреб.

— Однако, — говорит, — почтенная, я тебя три года ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все птицы свою дань давно уплатили, ты одна в долгу.

— Я? — удивилась летучая мышь. — Да разве я птица?

Спустилась в траву и побежала.

«В самом деле, — подумал ястреб, — это зверь».

Прибежала летучая мышь к частым соснам, а навстречу ей серебристая лиса.

— Добрый день, уважаемая! Я тебя седьмой год ищу.

— Зачем же вы меня ищете?

— Все звери мне подать уплатили, только с тебя ещё причитается.

— С меня? — удивилась летучая мышь. — Да разве я зверь?

Расправила крылья и улетела.

«В самом деле, — подумала лиса, — это птица».

С того времени, боясь лисы, летучая мышь бегать совсем перестала: от страха у неё ноги отсохли. И летать днём она тоже не смеет — ястреба опасается.

Рис. Е. РАЧЁВА

Рисунок к русской народной сказке „ЛИСИЧКА СО СКАЛОЧКОЙ“.

На обложке рисунок Т. Ерёминой „Подарок маме“.

Художественный редактор О. Камнин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцатый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А01418 Подписано к печати 26/I 1954 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 2871

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

